

А. Е. СУПРУН, А. А. БРУДНЫЙ

«Объсися синѣ мъглѣ»

Отрывок о Всеславе Полоцком: «Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ пльночи, изъ Бѣла-града, объсися синѣ мъглѣ, утрѣ же возни стрикусы оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ» переведен первыми издателями «Слова о полку Игореве» так: «Потом побежал он лютым зверем в полуночи из Белогорода, закрывшись мглою синею; по утру же, вонзив стрикусы, отворил он ворота Новгородские, попрад славу Ярослава, и с Дудуток пустился как волк до Немиги».¹

Большая часть исследователей и переводчиков «Слова» понимает интересующее нас место в согласии с переводом первого издания, передавая глагол «объсися» как «завесившись» (А. С. Орлов, И. П. Еремин), «объятый» (Д. С. Лихачев, С. В. Ботвинник), «окутанный» (Н. К. Гудзий, И. А. Новиков) мглой, туманом.

Д. С. Лихачев в своем комментарии к «Слову» пишет: «Возможно, что это место означает либо „повиснув в ночной тьме“, либо „обнятый ночною тьмою“ (т. е. скрытый ночною тьмою)».² С. И. Маслов комментировал: «Переводят это место так: „завесившись синею мглою“, то есть исчез в синей ночной тьме. Есть также и другое интересное толкование. Летопись сообщает, что Всеслава „роди мати от вольхвованія“, что на голове у него была „язва“, и из-за этого, как пояснял летописец, Всеслав „немилостивъ есть на кровопролитъе“. Автор „Слова“ говорит от этом князе как о человеке, имевшем вещую душу, то есть он имел силу колдуна, волшебника. Исходя из приведенных соображений, поясняют, что Всеслав удрал от киевлян, „повиснув на синей туче“».³ Перевод «объсися» словом «повис» встречаем у ряда авторов (М. А. Максимович, В. Н. Перетц, С. К. Шамбинаго, А. В. Соловьев, Н. А. Заболоцкий и др.).

На еще более активном характере поведения Всеслава настаивает А. К. Югов, подчеркивая легендарную быстроту передвижения князя-кудесника: «ухватил сине облако».⁴

¹ Цитируется по фототипическому воспроизведению в кн.: Л. А. Дмитриев. История первого издания «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1960. Фраза «объсися синѣ мъглѣ» в Екатерининской копии читается: «объси ся сине мъглѣ» (см.: там же, стр. 149).

² Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 457. (Далее: Слово, 1950).

³ Слово о полку Игоревѣ в українських художніх перекладах і переспівах ХІХ—ХХ ст. Київ, 1953, стр. 56. (Далее: Слово, 1953).

⁴ Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии Алексея Югова, М., 1945, стр. 87 и 160. Для понимания рассматриваемого места «Слова» едва ли могут дать много неточные переводы его в поэтических переложениях некоторых авторов. Так,

В специальной заметке, посвященной анализу интересующего нас места в «Слове», А. В. Соловьев рассматривает также ряд других переводов «Слова», в частности, польский перевод Юлиана Тувима, словенский Райко Нахтигала, английский С. Кросса, французские Н. Кульмана и А. Грегуара, итальянский Р. Поджиоли. Все эти переводы колеблются в кругу значений, определенных первым изданием «Слова» и его русскими исследователями.⁵

Как видим, относительно понимания слова *объсися* полного единства мнений нет. Большинство исследователей понимают слово *объсися* как *об(в)ъсися* с выпавшим в результате известных фонетических процессов *-в-*,⁶ образованное от корня *вѣс-* (ср. *весить/вешать*). Действительно, в славянских языках имеется такое образование. Так, в современном болгарском языке *обесвам* означает «повесить».⁷ Это значение слова *объсिति* известно еще в старославянских текстах (евангелия, псалтырь, Супрасльская рукопись, сборник Клоца).⁸ В «Материалах» И. И. Срезневского слово *объсिति ся* приведено в значении «повиснуть, обнять», причем, если слово *объсिति* «повесить» дано с примерами из нескольких источников, то примеры к *объсिति ся* приведены всего по двум источникам; один из них — Златоустрий ок. 1200 г., из которого извлечено три примера: «объшюся твоеи выи», «объсися ей на распутии», «Труфена объсися Ѡеклъ»; другой источник — «Слово о полку Игореве», пример из которого выделен в «Материалах» особым абзацем и не толкуется.⁹ В. П. Адрианова-Перетц обратила внимание на то, что примеры, приведенные из Златоустрия, «дают один смысл слова: обнять человека».¹⁰ Эта семантическая трудность общепринятого толкования слова *объсिति ся* сопряжена еще с одной грамматической трудностью, на которую также обращает внимание В. П. Адрианова-Перетц: «В „Слове“ очевиден другой оттенок значения — „повиснуть“, но сохраняется то же сочетание с дат. пад.».¹¹ Подкрепление указанному толкованию рассматриваемого места «Слова» находят в болгарской, сербскохорватской, чешской параллелях слова *объсिति ся*; вместе с тем А. В. Соловьев отметил, что «в древнерусском и польском вместо этого говорят „повесить“, *ro-wiesić*».¹² В дополнение к коллекции славянских параллелей выражения *объсिति ся* из «Слова», приведенной А. В. Соловьевым, можно указать еще словенское *obesiti*,¹³ македонское *obesi*,¹⁴ словацкое *obiesit'*,¹⁵ полаб-

к примеру, у А. П. Майкова Всеслав «синей мглой из Белграда поднялся» (Слово, 1950, стр. 136), а у Панаса Мирного он «сивим туманом повисае» (Слово, 1953, стр. 183).

⁵ А. В. Соловьев. Восемь заметок к «Слову о полку Игореве». — ТОДРА. т. XX. М.—Л., 1964, стр. 373. (Далее: А. В. Соловьев).

⁶ См.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 88; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953, стр. 124—125; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958, стр. 119—120; надо сказать, что в этих и подобных работах пример из «Слова» не фигурирует.

⁷ См.: Речник на съвременния български книжовен език, т. 2. София, 1957, стр. 298.

⁸ См.: A. Dostal. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954, str. 435.

⁹ Срезневский. Материалы, т. 2, стлб. 587.

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, стр. 105.

¹¹ Там же.

¹² А. В. Соловьев, стр. 373.

¹³ J. Pretnar. Rusko-slovenski slovar. Ljubljana, 1964, str. 568.

¹⁴ Речник на македонскиот јазик, т. II. Скопје, 1965, стр. 5.

¹⁵ Slovník slovenského jazyka, II. Bratislava, 1960, str. 411.

ское (в орфографии Геннига) *wibbêset*,¹⁶ нижнелужицкое *wobjesyś*,¹⁷ верхнелужицкое *wobësyć*;¹⁸ в старопольском тоже отмечается слово *obiesić* (и *obwiesić*).¹⁹ Во всех этих случаях значение слова — «повесить» (или «казнить» через повешение); имеются и соответствующие образования на *-ся*. Представляется весьма существенным, что довольно распространенным значением рассматриваемого глагола является «повеситься = удавиться». Именно в этом значении приведено слово *объсिति ся* в «Дополнениях» к «Материалам» И. И. Срезневского; пример дан из царской жалованной грамоты 1578 г.: «А кто съ древа убьется. . ., или обьсится, или кусомъ подавится».²⁰ Распространенность такого значения, вполне вероятно — вторичного, свидетельствовала бы в пользу предположения М. А. Максимовича и его последователей о том, что слово *объсися* следует переводить как «повис».

И все-таки толкование *объсिति ся* как «обвеситься, повиснуть, укрываться» не вполне удовлетворяло некоторых исследователей и переводчиков «Слова». Попытку дать в корне другое понимание этого места «Слова» предпринял А. А. Потебня (*объсися сине млы* — «по образу» «объестся чего»); эта попытка оказалась неудачной.²¹ Укажем также на перевод, сделанный известным украинским поэтом Степаном Руданским (который, между прочим, перевел на украинский язык «Илиаду»). Соответствующее место в выполненном в 1860 г. переводе Руданского (опубликованном лишь в 1896 г. по хранившейся у И. Я. Франко рукописи) звучит так:

Від них скочив лютим звіром
В північній годині
З Білгорода, обісися
Ще в тумані синім.²²

По существу, Руданский в анализируемом предложении просто не переводит глагола. Как же его понять? Слова *обіситися* в украинских словарях не зафиксировано. В словарях, правда, отмечается встретившееся пять раз у Шевченко, известное и у других писателей, например, Тобилевича, слово *обісити* «очень надоесть, осточертеть»;²³ этимология этого слова прозрачно связывает его с существительным *біс* «бес». Но оставим пока толкование перевода Руданского; использованное им слово не представляется нам ни поэтической вольностью, ни индивидуальным неологизмом, ни архаизмом, скорее всего — это слово, реально существующее в украинском языке, но не отраженное пока в словарях. Отметим, что Руданскому казалось, что слово *объсिति ся* не нуждается в переводе на украинский язык.

Словарь В. И. Даля дает слово *объситься* (точно соответствующее слову, употребленному С. Руданским в его переводе), не снабженное никакими стилистическими или локальными ограничениями. Слово это

¹⁶ R. Olesch. Juglers Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch. Köln—Graz, 1962. S. 186; Vocabularium Venedicum von C. H. von Jessen, Nachdruck von R. Olesch, Köln—Graz, 1959, S. 75: *Wibbêfat*.

¹⁷ V. Šwjela. Dolnoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1961, str. 463.

¹⁸ F. Jakubáš. Hornoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954, str. 404.

¹⁹ Słownik języka polskiego, t. 5. Warszawa, 1963, str. 453, 583.

²⁰ Срезневский. Материалы, т. III, вып. 4, Дополнения, стлб. 200.

²¹ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Харьков, 1878, стр. 124.

²² Слово, 1953, стр. 120.

²³ Словник мови Шевченка, т. II. Київ, 1964, стр. 7; Б. Д. Грищенко. Словарь украинского языка, т. III. Киев, 1959, стр. 11; Украинско-русский словарь, т. III. Киев, 1961, стр. 24.

имеет, по Далю, значение «стать бесноватым, предаться бесу». Дано оно в статье «объсить или обѣсновать кого»; *объсить* по Далю означает «наглатать на кого беса, испортить, исказить, предать бесовской силе».²⁴

Приведенная из словаря В. И. Даля глосса позволяет принципиально иначе, чем обычно, истолковать интересующее нас место в «Слове о полку Игореве». А именно так: «обесился (т. е. стал бесноватым, предался бесу) в синей мгле».

В связи с таким толкованием возникают по крайней мере два вопроса, на которые следует попытаться дать ответ: насколько вероятно такое толкование с лингвистической точки зрения и согласуется ли оно с контекстом «Слова» и образом Всеслава.

Лингвистически предлагаемая гипотеза вполне вероятна. С точки зрения фонетического и графического оформления, наша гипотеза вызывает не больше, а может быть и меньше затруднений, нежели всякое другое чтение этого места. «Обесился в синей мгле» предполагает понимание слов *синъ мъглъ* как местного падежа сочетания прилагательного с существительным. В Екатерининской копии имеется разночтение в окончании слова *синъ*: там записано *сине*. Правильная фраза местного падежа краткого прилагательного *синь* (женский род *синя*) — *сини*, а полного прилагательного (*синяя*) — *синей*. В первом издании *ѣ* может рассматриваться как окончание, присоединенное (отчасти, возможно, под влиянием следующего слова *мъглъ*) по аналогии с твердым вариантом склонения кратких прилагательных; подобные написания нередки.

Понимание формы *синъ мъглъ* как местного падежа снимает те трудности в перенесении управления дательным падежом названий живых объектов на неживой, которые вызывались пониманием *объсися* в том же значении, в котором это слово приводится Срезневским по Златоуструю.

С точки зрения семантической сочетаемости, предлагаемое чтение тоже снимает те затруднения, на которые указывалось в связи с тем, что глагол *об(в)ъсится* применялся обычно к живым объектам. В отношении формы глагола можно полностью присоединиться к А. В. Соловьеву, который в указанной специальной заметке о рассматриваемом выражении понимал ее как аорист; новое чтение несколько этому не противоречит.

В словообразовательном отношении глагол *объсится*, если его рассматривать как образованный на базе слова *бѣсъ*, ничуть не менее вероятен, чем, если бы его считали производным от корня *вѣс-*. В словаре И. И. Срезневского приводятся свыше ста глаголов, которые можно условно свести к модели: приставка *о-/об-* + корень (производящая основа) + суффиксы *-и-ти* + частица *-ся* (*о(об) . . . ится*). Специальный словообразовательный анализ каждого из этих слов может, конечно, показать, что они образованы по несколько отличающимся друг от друга моделям. Так, в одних случаях встречаются соответствующие образования без приставки, а следовательно, наши глаголы можно рассматривать как образованные от бесприставочных при помощи приставки *о-/об-*; в других случаях не исключается и префиксально-суффиксальный способ образования. Глаголу *объсится* имеется соответствие без приставки, отмечаемое как в старославянских, так и в древнерусских памятниках. Словообразовательные связи слова *объсится*, характеризующие его место в словообразовательной системе древнерусского языка, могут быть охарактеризованы примерно так:²⁵

²⁴ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1955, стр. 639.

²⁵ Для характеристики словообразовательных, а затем и семантических связей слова *объсится* использованы слова, приведенные у Срезневского в «Материалах»,

обѣситися	— бѣситися — бѣсь	— бѣсьнь / бѣсьный; бѣсьновати(ся); възбѣсьнѣти;
обожитися		— бѣшень; бѣшение; бѣшеньство;
облажитися		— възбѣсити(ся); възбѣшение; възбѣсьти;
озвѣритися		— бѣсьскъ / бѣсьсныи;
огосподитися		— бѣсовъ; бѣсовье; бѣсовьскъ / бѣсовьскыи; бѣсовьныи; бѣсовьство / бѣсовьствие; бѣсовати(ся); бѣсование;
освятитися		— бѣсообразныи; бѣсомолитель, бѣсомольць; бѣсобояние; бѣсослужение; бѣсовархъ.
оболѣзнитися		
облѣзнитися		
...		

Как показывают приведенные словообразовательные параллели и соотношения, никаких словообразовательных осложнений предлагаемое чтение не привносит.

Какова семантика слова *обѣситися*, рассматриваемого как образование с корнем *бѣс-*? Определенный материал для получения ответа на этот вопрос дает рассмотрение значения ближайшего к интересующему нас глаголу слова *бѣситися*, от которого с приставкой *о-* и был образован глагол *обѣситися*. В старославянском языке слово *бѣситися* отмечено в Супрасльской рукописи и в Саввиной книге со значениями «бесноваться, неистовствовать», «быть одержимым злым духом», и, что весьма любопытно, «быть лунатиком». В других евангельских кодексах в соответствующих местах встречается глагол *бѣсноватися*. Приведем пример использования слова *бѣситися* в последнем значении, в соответствии с греческим *σεληνιαζεσθαι* по Саввиной книге: «Помилоуи с(ы)на моего. іако на новъ мѣ(сА)ц(ь) бѣситъ сл» (Мф. 17, 15). В «Материалах» И. И. Срезневского приводится слово *бѣситися* в значении «быть одержимым злым духом, неистовствовать, быть сумасшедшим». Последнее значение приведено в дополнениях к «Материалам» с примером из Юрьевского евангелия, Мф. 12, 22 (в Саввиной книге так же) и из Ефремовской кормчей. Вот эти примеры: «Приведоша къ нему бѣсящъся слѣпъ и нѣмъ» (Юрьевск. ев.; греч.: *δαίμωνιζόμενος*); «О имоуштихъ подроужие бѣсяшетея и того ради хотяштихъ иноу поѣти» (Ефр. кормч.; в греч. так же, как и в предыдущем примере). Из других примеров, приведенных у Срезневского, стоит воспроизвести пример из Новгородской кормчей 1280 г.: «Аще (кто) истинно бѣситъ никакоже (с)подобитъс(я) с(вя)тыхъ даровъ». Другие примеры даны из Изборника 1073 г., Триоди постной XI в., Слова Даниила Заточника. Представляет с семантической точки зрения интерес и глагол *бѣсоватися* «сходить с ума», приведенный с несколькими примерами в основном тексте и в дополнениях к «Материалам» И. И. Срезневского; можно указать также на существенное для дальнейшего соответствие в одном из примеров слова *бѣсование* греческому *μανια*.

Таким образом, по всей видимости, глагол *обѣситися* обладал в древнерусском языке широким значением. Первично, конечно, он означал «предаться злomu духу, бесу». Затем на этой семантической основе развиваются дополнительные оттенки значений. Тогдашние представления о причинах необычного поведения привели к тому, что глаголы с корнем *бѣс-* стали использоваться для обозначения различных видов необычного поведения. *Бѣситися* (и, видимо, *обѣситися*) означало «неистовствовать», «вести себя ненормально под воздействием алкоголя».²⁶ Далее этот глагол

т. 1—3, а частично также слова из чехословацкого словаря старославянского языка (Slovník jazyka staroslověnského, 4. Praha, 1961).

²⁶ Ср. в Изборнике 1076 г., л. 237: «Питие мѣрьное сыть напълняеть и всеселить Бѣзмѣрьное же бѣшеньство есть» (Изборник 1076 года. М., 1965, стр. 623). В «Материалах» Срезневского (т. I, столб. 339) ср.: «возбѣсьнѣша яко піаніи» (Соф. вр.) и др.

мог обозначать и состояние при некоторых заболеваниях с неправильным поведением; при заболевании бешенством, как это видно и из современного значения слова, при лунатизме, как это видно из приведенного примера. *Бѣситися* применялось, наконец, вообще по отношению к сумасшествию, к различным душевным болезням; показательно в этом смысле выражение *бѣсовья болѣзнь*, приведенное Срезневским по источнику XVI в.²⁷

Решать вопрос о том, с каким оттенком значения употреблен в «Слове» глагол *обѣситися*, целесообразно с привлечением сведений лингвистического характера. Слово *обѣситися* является сказуемым; субъектом действия является Всеслав. Какими данными располагаем мы о Всеславе?²⁸

Дошедшие до нас летописи содержат ряд упоминаний о Всеславе. Не все они достоверны, в некоторых видны позднейшие попытки осмыслить деятельность князя, приписать подчас полоцкому князю и несвойственные ему черты, которые виделись, быть может, его политическим противникам, связать летописный образ Всеслава с фольклорными мотивами.²⁹ Но «Слово» создавалось спустя более сотни лет после события, которого касается наш отрывок, почти через сотню лет после смерти самого Всеслава. И естественно, что в памятнике отразился не непосредственно реально-исторический полоцкий князь, но Всеслав, воспринимаемый автором «Слова» через эпическую и летописную традицию.

По данным летописи, вступивший на престол в Полоцке в 1044 г. князь Всеслав в 1060 г. в союзе со своими дядями — Ярославичами Святославом, Изяславом и Всеволодом выступил против торков. Под 1065 г. в летописи записано о том, что Всеслав поднял междоусобную войну; в 1067 г. ему удается занять Новгород; на Всеслава пошли трое Ярославичей; 3 марта на Немиге у Минска войско Всеслава было разбито, а сам он бежал. В июле Изяслав пообещал, что он не тронет Всеслава, если тот сам придет к Ярославичам. Но, когда Всеслав поверил и шел уже вслед за Изяславом к шатру, его схватили, нарушив крестоцелование, и, доставив из района Смоленска в Киев, посадили в темницу. Спустя год, после поражения Ярославичей в битве с половцами и бегства Изяслава в Киев, народ взбунтовался и Изяславу пришлось покинуть и Киев, убегая в Польшу. А Всеслав был освобожден восставшими и прославлен среди двора княжеского, т. е. провозглашен князем киевским. В освобождении Всеслава видели «силу креста», ибо, заточив Всеслава, Изяслав нарушил клятву, данную на кресте. Возможно, что к этому времени относится установление близких отношений Всеслава с основателем Печерского монастыря Антонием, выступавшим, видимо, против нарушения Изяславом крестоцелования, за что позже Антония преследовал Изяслав (Антонию пришлось укрыться у Святослава в Чернигове). Но в 1069 г. Изяслав в союзе с польским королем Болеславом пошел на Всеслава.

К этому времени и относятся события, упоминаемые в рассматриваемом отрывке «Слова». Вот что сообщается о них в летописи: «В лѣто 6577. Поиде Изяславъ с Болеславомъ на Всеслава; Всеслав же поиде

²⁷ Срезневский. Материалы, т. I, столб. 222.

²⁸ Самый полный обзор этих данных имеется в незаконченной и устаревшей уже работе Д. С. Леонардова «Полоцкий князь Всеслав и его время» (Полоцко-витебская старина, вып. II, Витебск, 1912, стр. 121—216; вып. III, Витебск, 1916, стр. 85—180).

²⁹ См.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 180, 220, 522, 625 и др.

противу. И приде Белугороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянь бѣжа из Бѣлагограда Полоцкыю. Заутра же видѣвше людье князя бѣжавша, възвратишася Киеву, и створиша вѣче, и послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Лядскую землю, а поидѣта в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим въ Гречьскую землю“». ³⁰ Братья успокоили киевлян, ответив, что Изяслав придет с небольшими силами. Изяслав, вернувшись, перебил и ослепил несколько десятков киевлян, в том числе и невиновных. Преследуя Всеслава, Изяслав изгнал его из Полоцка, заменив своим сыном Мстиславом (а после последовавшей вскоре его смерти — его братом Святополком). Всеслав в том же году «явился перед Новгородом с толпами финского племени води, или вожан, среди которых, следовательно, нашел он убежище и помощь». ³¹ Новгородцы разбили вожан, но самого Всеслава отпустили. Но и после этого разгрома он не отказался от борьбы. Собрав дружину, в 1071 г. он выгнал из Полоцка Святополка, хотя у Голотическа в том же году потерпел поражение от брата Святополка — Ярополка. В 1073 г. Изяслав стал вести с Всеславом какие-то переговоры, что было, видимо, одним из оснований изгнания Изяслава из Киева его братьями. Всеслав продолжал действовать, стремясь, видимо, расширить пределы Полоцкого княжества, достигшего, пожалуй, при нем вершины своего значения. В «Поучении» Владимира Мономаха вспоминается, что «Всеславъ Смоленскъ ожъже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню и не застахом... въ Смолинскѣ. Тѣм же путем по Всеславе пожечъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска...». ³² Эти фразы следуют после слов о смерти Святослава (1076 г.). Наконец, под 1101 г. в летописях находится запись о смерти Всеслава с перепутанной датой. ³³ Как видим, даже по скупым летописным данным жизнь Всеслава, прокняжившего в Полоцке «рекордный» срок — 57 лет, была богата событиями.

Бесспорно, Всеслав пользовался большой популярностью. Об этом свидетельствует то, что, несмотря на многие поражения и изгнания, ему удавалось снова и снова набирать дружину. Об этом говорит и то, что киевляне, освободив Всеслава, провозглашают его киевским князем. Всеславу удается завоевать приязнь не только русских, но и их соседей — финских племен. С ним, представителем боковой линии княжеского рода (Всеслав — сын Брячислава и внук Изяслава, единокровного брата Ярослава Мудрого, сына Владимира от дочери полоцкого князя Рогвольда — Рогнеды), приходилось считаться трем Ярославичам, неоднократно вступавшим с ним в союзы и войны.

Вероятно, популярностью Всеслава в известной мере объясняется то, что образ князя как бы сливается с героем устного народного творчества. Даже при осторожном подходе нельзя не отметить, что в богатыре-кудеснике Волхе Всеславиче отразились некоторые черты Всеслава (и наоборот, если говорить об образе Всеслава в летописи и, особенно, в «Слове»). Это, возможно, связано с некоторыми специфическими чертами биографии полоцкого князя, с особенностями его характера. По свидетельству лето-

³⁰ Повесть временных лет, т. I. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1950, стр. 115—116.

³¹ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. I. М., 1959, стр. 355.

³² Повесть временных лет, т. I, стр. 159.

³³ Там же, стр. 182; т. II. М.—Л., 1950, стр. 466.

писца, когда мать родила Всеслава, у него на голове оказалось «язвено»;³⁴ волхвы сказали матери: «Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего». «Еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ», сообщает летопись, фантастически объясняя возникновение «язвена» тем, что мать родила Всеслава «от вълхованья».³⁵ Но так же рожден и былинный Волх Всеславич.³⁶ Летописный Всеслав не только родился от волхования. Правда, летопись не сохранила фантастического рассказа о том, как Всеслав научился быть оборотнем, что делается в былине, где, между прочим, повторяется примечательная строкѣ:

Дружина спит, так Вольх не спит.

Но в летописи есть некоторые любопытные намеки, возникшие, возможно, под влиянием слухов о князе-кудеснике. Намеки эти мистичны. Так, несколько раз имя Всеслава связывается с крестом. При освобождении Всеслава из темницы в Киеве, куда он был заточен в результате нарушения крестоцелования, Всеслав, по словам летописи, приписывает свое освобождение кресту. Под 1069 г. в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, отмечается после известия о бегстве Всеслава к Полоцку, что «нашелся крест князя Владимира в Святой Софии на полатах, который захватил Всеслав».³⁷ После слов, восславляющих крест за освобождение Всеслава в Киеве, находятся очень примечательные слова, которые обычно уже читаются не как прямая речь Всеслава, а как слова летописца: «Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають».³⁸ Возможно, эти слова и действия, связанные с крестом, отражали какие-то действительно имевшиеся мистические увлечения князя, но не исключено и то, что они, как и сближение с Всеславом Антония, свидетельствуют о стремлении церкви использовать фигуру популярного князя. Во всяком случае, эти сообщения, как и другие сообщения летописи, должны восприниматься критически.

Всеслав в «Слове» выступает вообще как князь-кудесник, который под стать былинному Волху Всеславичу. В то время как его воины спят, Всеслав скачет волком от Дудуток (видимо, под Новгородом) до Немиги (видимо, у Минска), дорыскивает за ночь от Киева до Тьмуторокани. Всеслав «Слова» до рассвета перерыскивает дорогу Хорсу, языческому богу солнца.³⁹

Теперь можно снова обратиться к ситуации, описываемой в рассматриваемом отрывке «Слова». Популярный князь, о котором идет слава как о кудеснике, вдруг ночью без ведома киевлян, недавно провозгласивших его своим князем и собравшихся под его водительством на битву с изгнанным ими же самими Изяславом, приведшим чужеземцев, убегает из

³⁴ Язва, яма? См. названную работу Д. С. Леонардова (вып. II, стр. 150 и сл.).

³⁵ Повесть временных лет, т. I, стр. 104. Волшебному рождению князя летописец приписывает и его «немилостивость на кровопролитие»; возможно, как полагал А. А. Шахматов (Разыскания, стр. 14), эта запись является припиской, сделанной после захвата Всеславом Новгорода.

³⁶ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, стр. 39.

³⁷ Повесть временных лет, т. II, стр. 400.

³⁸ Там же, т. I, стр. 115.

³⁹ Былинному Волху и Всеславу «Слова» посвятил ряд специальных исследований Р. О. Якобсон (с соавторами): R. Jakobson, M. Szeftel. The Vseslav Epos.—Selected Writings, IV, The Hague—Paris, 1966, pp. 301—368; R. Jakobson, G. Ružičić. The Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos.—Там же, pp. 369—379. Относительно былины см. еще: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. [Л.], 1955, стр. 67—72 и др.

чества», неотъемлемой, по А. Ф. Лосеву, чертой мифотворчества — вместе с трансформацией поведения трансформируется и облик, физическое воплощение загадочной личности: иной, «ночной» Всеслав эпоса — это волк).

Необходимо подчеркнуть, что система образов, в которой дан Всеслав в «Слове», не может быть сведена к интерпретации поведения конкретного исторического прообраза. Всеслав «Слова» — фигура, к которой могут быть подысканы те или иные параллели фольклорно-эпического плана. Нас занимают в данном случае лишь реально-исторические предпосылки, образующие соотношение Всеслава «Слова» и Всеслава-личности. Иными словами, мы пытаемся реконструировать факторы, обусловившие отнесение определенного класса художественных образов к определенному лицу. И среди этих факторов следует, как кажется, отвести место и психологическим особенностям личности Всеслава.

В эту гипотетическую картину удачно вписываются некоторые общие биографические черты и исторические детали, скупо, но с достаточной определенностью отмеченные в летописи. Маниакальное упорство и лихорадочная активность князя не умяются очередными неудачами, он постоянно находит новых сторонников, он опасный противник, это очевидно. Почему же новгородцы, разгромив вожан, возглавляемых Всеславом, отпускают его «бога ради»? Случайно ли в «Слове» припевка Бояна «Ни хытру, ни горазду... суда божіа не минути» следует непосредственно за упоминанием о часто страдающем князе с вещей душой? Обсуждая эти вопросы, нельзя не вспомнить, что «обесившийся» — не столько повелитель, сколько жертва таинственных сил, с которыми он связан; он возбуждает страх, но и достоин милосердия.

Итак, наряду с уже имеющимися чтениями обладает некоторой вероятностью и понимание слова *объсися* в выражении, вынесенном в заголовок этой статьи, как «обесился» с корнем *бъс-* и со значением «стал подвластным бесу», возможно, и «испытал лунатический приступ». Мы не можем настаивать на предложенном чтении как на единственно возможном. Но представляется, что предлагаемое чтение по крайней мере равновероятно с общепринятым.